

Ю.Г.Ткачѳв

Черновицкий национальный университет

БАЛ У САТАНЫ В РОМАНЕ “МАСТЕР И МАРГАРИТА” В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЯ М.БУЛГАКОВА К “ЕВРЕЙСКОЙ ТЕМЕ”

Предсмертный роман М.Булгакова насыщен потусторонними силами, которые играют в тексте сразу несколько ролей, об одной из которых – роли своеобразного связующего звена между древним и современным миром – наиболее часто говорится в работах исследователей. Очень важное место в изображении этих сил занимает картина бала у сатаны, где добро и зло оказываются переплетенными между собой, чуть ли не слитыми воедино. При описании этой картины Булгаков пользовался множеством источников (как художественных текстов, прочитанных в значительном количестве, так и научных трудов, энциклопедических статей, цитаты из которых часто выписывал при работе) и учитывал многие литературные традиции. Очевидно, скажем, использование Булгаковым при описании бала традиционных элементов, характерных для русского символизма. Можно говорить и об учитывании писателем средневековых русских традиций художественного слова, в особенности традиции “смеховой” литературы XVII в.

Задумываясь над сложностью процесса создания писателем картины бала в романе, приходим к мысли о том, что смысл данного описания, к которому Булгаков подошел с чрезвычайной серьезностью, гораздо глубже, чем это может показаться на первый взгляд. Тем более, что существовал первоначальный вариант отрывка о бале, так называемый “малый бал”, рукопись которого автор уничтожил во время своей болезни. Этот бал в значительной мере отличался от окончательного, “большого”, и, по мнению второй жены писателя Е.С.Булгаковой [3, с. 73], был намного лучше его; тем не менее, Булгаков остановил выбор на “большом бале”. Возможно, он выбрал вариант, который дал бы бóльшую возможность мыслящему читателю докопаться до всей глубины смысла этой части книги.

Пытаясь разобраться в данной проблеме, мы натолкнулись на еще одну проблему, теснейшим образом связанную с первой: проблему отношения Булгакова к евреям, точнее, вопрос об антиеврейских взглядах писателя. Об этом в научном мире открыто начали говорить, пожалуй, только после публикации в 1990 г. дневника Булгакова 1923-25 гг. Этот дневник, озаглавленный как “Мой дневник” [2] (точно так же, как и дневник яркого антисемита и черносотенца Шарапова, который, как это видно из содержания булгаковского дневника, писатель читал), вызвал

сенсацию в булгаковедении. Хотя он был опубликован в значительном сокращении (сокращены были именно строки, насыщенные наиболее резким негативом по отношению к евреям), читающей публике стало ясно: далеко не равнодушный к “еврейской теме” Булгаков как личность – это отнюдь не та идеальная фигура, сближенная с его героем Мастером, каким стремилась представить писателя Чудакова [11 и др.] (и не только она). Впрочем, перед читателями предстал не обычный антисемит, “юдофоб-интеллектуал”, перечитавший все основные антиеврейские сочинения, вышедшие в кон. XIX – нач. XX в. в России (к примеру, романы Гедше, В.Крыжановской, Е.Шабельской, многие сюжетные элементы и мотивы которых, как замечено рядом ученых, использованы Булгаковым в его произведениях), и воспринявший идеи, содержащиеся в них. Кстати, в семье, в которой вырос Булгаков, существовала резкая неприязнь к евреям, так что ее он впитал еще в детские годы (что отец будущего писателя еще до первой русской революции опубликовал свои юдофобские размышления в антимасонской брошюре, изданной в Киеве).

Именно в связи с пристальным вниманием Булгакова к “еврейской теме” в его произведениях, особенно в последнем романе, находим множество сугубо еврейских элементов: это и талмудическое именование Христа – “другой” (“га-ноцри”), и ряд имен, взятых из еврейской традиции или истории (напр., Азазелло – от имени Азазель: языческого божества у древних евреев, которому в жертву приносили козла), и специфически еврейская точка зрения на евангельские события, выраженная в произведении поэта Ивана Бездомного, “объевреенного”, по завуалированной мысли Булгакова, в воззрении на Христа и поэтому, мол, притягивающего к себе сатанинские силы, и многое другое.

Вскоре после публикации дневника Булгакова вышла статья М.Золотоносова [5], окончательно разрушившая “оптимизированную” биографию писателя, которая до сих пор настойчиво внедряется в общественное сознание многими исследователями. Никто не стремится оспорить огромную значимость Булгакова как писателя, почетное место, которое он занял в русской литературе, но, тем не менее, очевидно, что Булгаков-писатель и Булгаков-человек (точно так же, как и Державин, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Розанов, Куприн и ряд других русских классиков) вызывают разные эмоции, часто диаметрально противоположные, и этого нельзя не учитывать при анализе творчества писателя. Золотоносов, обратив внимание на то, что в булгаковском дневнике заметны, помимо прочего, “рефлексы панславизма с антисемитскими оттенками, восходящие к “позднему славянофильству”, выраженному в сочинениях Шарапова, крайне опасавшегося господства еврейства над славянами” [5, с. 102], далее сосредотачивается на анализе романа

“Мастер и Маргарита”, считая его своеобразным “путеводителем по субкультуре русского антисемитизма”. Целью же нашей работы является рассмотрение (под не совсем обычным для булгаковедения углом зрения), в первую очередь, картины бала у сатаны – высказывание собственных наблюдений, дополняющих сказанное как в статье названного ученого, так и в некоторых других публикациях.

Б.Гаспаров, наблюдая над мотивной структурой романа, содержащееся в нем явное уподобление Москвы Ершалаиму интерпретировал двояко [4, с. 91-96], причем одна из интерпретаций следующая: легендарная “вина” евреев за то, что они “Бога распяли”, в глазах русских антисемитов усугубилась обвинением евреев в том, что именно они совершили в стране революцию; в связи с этим Москва, по мысли Булгакова, оказалась “оскверненной” евреями, как некогда Иерусалим – арабами. В российской столице из-за этого власть Бога сменилась властью дьявола, который теперь здесь правит бал.

В юдофобской литературе XIX – нач. XX в. евреи очень часто изображались в виде сатанинских сил зла. Авторы были убеждены, что эти силы управляют всем миром при помощи так называемого “тайного правительства”, организованного дьяволом. Не трудно заметить, что Воланд со своей свитой обрисованы именно так, как в современной Булгакову Москве юдофобски настроенная публика представляла себе людей, которые причастны к “мировому еврейскому заговору”. В числе этих людей видела не только евреев, но и всех неевреев, обвинявшихся ею в членстве в масонских ложах (тайными организаторами таких лож антисемиты представляли именно евреев, всех же остальных – “пешками” в их руках). Как заметил Золотоносов, в системе персонажей “Мастера и Маргариты” воспроизведены иерархические отношения одной из разновидностей масонов: ордена иллюминаторов [5, с. 104]. Кроме того, идеи членов этого ордена – “просветленных” – имеют много общего с концепцией “света” в “Мастере и Маргарите”. Заметим, что с иллюминаторами был тесно связан доктор Папюс, знаменитый французский масон, каббалист и астролог, автор многих книг (кстати, демонстрирующих очень хорошее знание иудаизма и еврейской каббалы [см.: 7]), впечатление Булгакова, личность которого оказала, как предполагает Золотоносов, влияние на создание образа Воланда.

Рассматривая картину бала у сатаны в романе Булгакова, нетрудно прийти к выводу о том, что в этой картине отражены детали традиционных представлений о шабаше ведьм и о святотатственной черной мессе. (Слово *шабаш* происходит от еврейского *шабат* — *суббота*, и именно распространенное восприятие иудаизма в средневековой Европе как религии будто бы дьявольской, антихристовой, послужило причиной возникновения в христианской среде в средние века взгляда на еврейский обряд встречи Субботы как на “сборище сил зла” [9, с. 63].) На таких шабашах ведьм, как считалось

в европейских странах, все участники должны были целовать *anus* козла. Царицей шабаша непременно должна быть красивая голая девушка, прилетевшая на черном баране (как видно, скажем, из переизданной в конце 1980-х гг. в Москве книги “Молот ведьм” инквизиторов Шпенглера и Инститориса). Работая над созданием картины бала, Булгаков записал в черновике: “Черная месса... Маргарита и козел” [10, с. 106]. Писатель использовал в рассматриваемой части книги традиционное представление о шабаше, отвергнув немногие детали, другие же изменив (так, *anus* козла заменен коленом Маргариты, а черный баран – летающим автомобилем).

В соответствии с законами шабаша происходит, помимо прочего, такое действие, как превращение головы Берлиоза в чашу-череп, из которой пьют вино и кровь. В подготовительных материалах к первой редакции романа есть выписка из энциклопедической статьи “Шабаш ведьм”: “Лошадиный череп, из которого пьют” (участники должны пить напитки из коровьих копыт и лошадиных черепов). Булгаков заменяет череп лошади черепом Берлиоза. По-видимому, это происходит потому, что булгаковский Берлиоз – однофамилец знаменитого французского композитора, автора “Торжественной мессы” (если учесть размышления Булгакова о “черной мессе”, становится очевидным, что данную фамилию он выбрал с глубоким умыслом). К тому же, фамилия Берлиоз явно не русская, это фамилия “инородца” (а ведь именно против “засилия инородцев”, в первую очередь евреев, всегда выступали русские шовинисты).

Один из очень важных эпизодов – поднесение Маргарите кубка, наполненного кровью барона Майгеля (изменника, убитого на глазах у царицы бала), – во многом является повторением сатанистского ритуала, описанного в одном из антисемитских романов Е.Шабельской [12]. Булгаков не случайно пишет об убийстве именно барона Майгеля, желая, возможно, в художественной форме, показать свою ненависть к наиболее вероятному прототипу этого образа: ленинградскому литературоведу М.Майзелю (кстати, еврею). Он в нач. 1930-х гг. написал ряд критических статей о творчестве Булгакова, называя его представителем “новобуржуазного направления”, обвиняя в непринятии революции и в “апологетическом отношении к дореволюционному прошлому” [6, с. 128-129]. Майзель вовсе не был бароном, Булгаков нарочно называет персонажа романа “бароном Майгелем”. В именовании звучит издевка, ощутим саркастический намек на знаменитую еврейскую баронскую фамилию Ротшильд, представителей которой юдофобы считали тесно связанной с масонскими ложами. Большинство Ротшильдов строго придерживалось законов Торы, а младший отпрыск фамилии сделал много полезного для сионистского движения. Именованье “барон Майгель” можно объяснить также тем, что в России в кон. XIX – нач. XX в.

существовала баронская (нееврейская) фамилия Майдель, среди представителей которой были и прозектор при Киевском университете, и офицер, написавший известную в то время книгу о войне. Ни тот, ни другой, на наш взгляд, не годились для роли изменника, так что, видимо, автор романа просто хотел завуалировать то, что настоящим прототипом Майгеля является не представитель "класса эксплуататоров", то есть дворянин, к тому же барон, а известный в сталинский период ученый, тем более, принадлежащий к ущемляемой и унижаемой в царские времена нации. Кстати, Майзель в 1937 г. был репрессирован, расстрелян, а при Хрущеве реабилитирован. С удовлетворением восприняв факт расстрела, посчитав его "справедливым возмездием" (приходится это признать), Булгаков именно как акт справедливости изобразил убийство барона, которое с легкостью совершил Азazelло.

Во многих христианских странах часто происходил "кровавый навет" на евреев: будто бы они убивают христианских детей, чтобы использовать их кровь в ритуальных целях [9, с. 48]. Отголоском таких представлений было в нач. XX в. нашумевшее дело Бейлиса, происходившее в Киеве (то есть в том самом городе, где и в это время, и позже жил Булгаков). Писатель прекрасно знал обстоятельство дела, возмущившего всю прогрессивную общественность как Российской империи, так и других стран. Однако, он использовал в картине бала у сатаны мотивы, напрямую связанные с теми взглядами, согласно которым кровь евреи применяли в ночь начала Песаха (еврейской Пасхи), специально для приготовления мацы (к слову, употребление в пищу любой крови в иудаизме строго запрещено, так что названное утверждение изначально абсурдно). Один из таких мотивов: приказание выпить "кровь предателя" (барона Майгеля), которую Воланд подает Маргарите. Свита Воланда уверена, что благодаря употреблению крови Майгеля погибнут все "изменники великого дела". В романе Шабельской о "сатанистах XX века", из которого Булгаковым был заимствован данный мотив, сказано, что проделывая эти обряды, испытуемые "не задумывались об их символическом значении и не догадывались спросить себя, а нет ли в самом деле капли крови замученных христианских детей в этом "кубке смерти" [12, с. 30-31]. Еще один мотив связан с образом Фриды, которая занимает особое положение в сцене бала (Фрида – обычное еврейское имя, так что в ее происхождении нет сомнений). Булгаковская Фрида убивает своего ребенка еще в младенчестве, причем при помощи носового платка (деталь весьма интересная, необходимая как символ терзающих Фриду мук совести). Писателю в эпизоде с нею очень важен был именно невинный младенец как последняя мера добра и зла. Намек на то, что на совести евреев – будто бы души множества невинно убитых детей, в этом эпизоде для нас также очевиден.

И еще об одной характерной детали. Обильно украсив бальные залы розами, Булгаков, несомненно, учитывал сложную и многогранную

символику, связанную с этим цветком. У Булгакова розы одновременно могут рассматриваться и как символы любви Маргариты к Мастеру, и как предвестие их скорой смерти [8, с. 97]. Роза – цветок, чуждый русской традиции. Обилие роз подчеркивает иностранное (не еврейское ли?) происхождение разыгрываемой в Москве дьяволиады и ее героев. А если вспомнить распространенное использование роз для украшения католических богослужений, то розы придают балу еще и дополнительный элемент – пародии на церковную службу. Такая пародия в свете антисемитских представлений о "связи еврейства с сатанизмом" оказалась весьма уместной.

Таким образом, можно заключить, что по замыслу Булгакова картина бала у сатаны в "Мастере и Маргарите" должна была показать, в завуалированной форме, при помощи фантастики, что в большевистской Москве не просто царствуют силы зла, а осуществляется замысел "тайного еврейского правительства", воплощающего такие силы в этом мире как дьявол и его свита – в мире потустороннем. Думается, что замысел этот вполне удался в предсмертном булгаковском романе.

1. Булгаков М. Мастер и Маргарита. – М., 1989.
2. Булгаков М. Под пятой: Мой дневник. 1923-1925 // Театр. – №2. – 1990. – С. 150-162.
3. Булгакова Е. Дневник Елены Булгаковой. – М., 1990.
4. Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита" // Даугава. – №11. – 1988. – С. 91-96.
5. Золотоносов М. "Сатана в нестерпимом блеске...": О некоторых новых контекстах изучения "Мастера и Маргариты" // Лит. обозрение. – №5. – 1991. – С. 100-107.
6. Майзель М. Краткий очерк современной русской литературы. – М.; Л., 1931.
7. Патюс Каббала или наука о Боге, Вселенной и Человеке. – СПб., 1910.
8. Паршин Л. Великий бал у Сатаны: О романе М.Булгакова "Мастер и Маргарита" // Наука и жизнь. – №10. – 1990. – С. 93-99.
9. Ткачев Ю. Расширение национального образа мира в русской литературе XIV-XVII веков. Часть 1: Евреи в древней русской словесности. – Черновцы, 2001.
10. Чудакова М. Архив М.А.Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя // Записки отдела рукописей. – Вып.37. – М., 1976. – С. 102-108.
11. Чудакова М. Жизнеописание М.Булгакова. – М., 1988.
12. Шабельская Е. Сатанисты XX века. – Вып.1; ч.1-2. – СПб., 1912.

Summary

The article gives analysis of the picture of ball at Satan's in "Master and Margarita" by M.Bulgakov against the background of the question concerning some definite influence of Judophobic ideas on the writer's creative work.

Стаття надійшла до редколегії 25.06.2001.